

А. Л. Авдеенко
*Курганский государственный университет,
г. Курган*

ИЗ ИСТОРИИ ПЕРВЫХ МЕМОРИАЛЬНЫХ ДОСОК НА ТЕРРИТОРИИ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ

XX век в истории России ознаменовался не только масштабными политическими и социальными трансформациями, но и становлением новых форм коммеморативных практик, среди которых одной из ключевых стала мемориальная доска. Как архитектурно-текстовый элемент коммеморации, она превратилась в инструмент идеологического воздействия, способ передачи официальной версии прошлого от государства к обществу. В советский период мемориальные доски стали не просто памятниками – они были частью «монументальной пропаганды», концепция которой была сформулирована еще в первые годы революции. Уже 14 апреля 1918 года декрет «О памятниках Республики» [6], опубликованный в «Известиях», положил начало систематическому увековечению революционных событий и фигур через искусство, включая надписи на зданиях, доступные массовому восприятию (и забвению царского наследия). Ленин указывал: главное – ясность, простота и символическая связь с идеалами новой власти [10, с. 198]. Церемонии открытия таких объектов должны были превращаться в «маленькие праздники» – акты коллективного воспоминания и политического воспитания [10, с. 199].

Первая советская мемориальная доска была установлена 7 ноября 1918 года на Сенатской башне Московского Кремля. Этот прецедент задал вектор для всей страны, в том числе и для регионов, где подобная практика начала развиваться несколько позже.

Следует уточнить, что в рамках настоящего исследования под «территорией Курганской области» понимаются ее современные административные границы, несмотря на то, что как самостоятельная административно-территориальная единица она была образована лишь в 1943 году.

На территории современной Курганской области первая мемориальная доска появилась 4 ноября 1927 года – накануне десятой годовщины Октябрьской революции. Она была размещена на фасаде здания областной детской библиотеки (ул. Куйбышева, 43), построенного в 1863 году [9], с надписью: «Дом декабристов 1825–1927». Как отмечает краевед Александр Скворцов в интервью газете «Новый мир» [11], это здание не имело никакого отношения к декабристам: последние

покинули Курган в 1857 году, за шесть лет до его возведения. Тем не менее, выбор именно этого места и формулировка текста были не случайны – они отражали идеологическую потребность связать дореволюционное освободительное движение с победой большевиков. Декабристы в советской интерпретации предстали как «первые революционные борцы против царизма», чье дело «не пропало», а было продолжено в 1917 году. Эта доска, хотя и исторически неточная, стала символическим мостом между эпохами и первой в своем роде на территории Курганской области. Сегодня она утрачена, предположительно, в конце 1990-х – начале 2000-х годов.

Однако интерес к декабристам как героям-предшественникам не исчерпался одной доской. В 1930 году в Кургане одновременно появились три мемориальные доски, уже на реальных местах проживания ссыльных: на доме Михаила Нарышкина (ул. Климова, 80а), Андрея Розена (ул. Советская, 67) и Вильгельма Кюхельбекера (рабочий поселок Смолино) (в конце 1980-х краеведом Карсоновым было доказано, что Кюхельбекер в этом доме не жил [12]). Об этом свидетельствует документ Курганского областного краеведческого музея от 13 февраля 1956 года [1], где сообщается, что на трех домах декабристов «установлены мемориальные доски». А в проекте текстов мемориальных досок, представленном обкому ВКП(б) в сентябре 1952 года [4], значится точный текст для дома Розена: «В этом доме с 1832 года по 1837 год жил ссыльный декабрист А. Е. Розен», и аналогично – для Нарышкина и Кюхельбекера. Это говорит о том, что к этому времени уже сложилась система мемориализации с идеологической направленностью.

Параллельно с памятью о декабристах активно развивалась мемориализация событий революции и гражданской войны. Особенно ярко это проявилось в Шадринске, где фигура Андрея Жданова стала центральной в локальной политике памяти (к слову, эта фигура стала центральной в масштабах всей страны). В газете «Красный Курган» сообщается: «Любовно охраняют трудящиеся Шадринска места, связанные с жизнью и деятельностью А. А. Жданова. В доме, где в 1918 году помещался уездный комитет РСДРП(б), руководителем которого был А. А. Жданов, будет создан музей. На многих зданиях установлены мемориальные доски» [7]. В перечне утвержденных текстов 1952 года [4] значится сразу три адреса в Шадринске, связанных с Ждановым:

– дом на улице Розы Люксембург, д. 6, где он выступал на съезде;

– дом на улице Жданова, д. 96 – бывший уездный Совет;

– дом на улице Ленина, д. 134 – штаб уездного комитета партии.

Все они получили мемориальные доски с указанием его имени и роли в установлении Советской власти. Это соответствовало общесо-

юзной тенденции – созданию «культы деятелей», особенно актуального в послевоенный период, когда фигуры вроде Жданова использовались для легитимации советской системы через связь с ее «героическим прошлым».

Не менее важным направлением стало увековечение мест революционной деятельности: типографий, штабов, первых Советов. Так, в Кургане на доме по улице Красина, 41, в 1952 году планировалось установить доску с текстом: «Здесь в 1905 году помещалась подпольная большевистская типография» [4]. О ней же, уже в качестве установленной, упоминается в газете «Красный Курган», где подчеркивается, что в «этих скупых словах отражена одна из славных страниц истории нашего города» [8]. Еще один знаковый объект – здание по улице Береговой, 62, где, согласно тексту на доске, «был организован 1-й Совет рабочих и солдатских депутатов» 18 ноября 1917 года. Об этом же упоминается в тематическом плане редакции «Красного Кургана» на февраль 1957 года [5], где раздел «О чем рассказывают мемориальные доски» включает и этот адрес, и дом декабриста Розена. Таким образом, мемориальные доски становились не просто информационными маркерами, но и объектами журналистской и просветительской работы – их «рассказы» транслировались через печать, лекции и школьные программы.

Особый интерес представляет история попытки установить мемориальную доску Александру Попову в г. Далматово. Как следует из письма председателя исполкома Далматовского райсовета В. Кожевникова от 3 июня 1957 года [2], решение о ее установке на стене монастыря было принято еще в 1952 году, однако из-за отсутствия финансирования доска так и не была изготовлена. В 2023 году в ходе экскурсии по Далматовскому монастырю, автором статьи было установлено, на основании устного свидетельства священнослужителя, что мемориальная доска, посвященная А. С. Попову и размещенная на одном из учебных корпусов обители, впоследствии была демонтирована в связи с аварийным состоянием здания, не позволявшим обеспечить ее сохранность.

В этом же документе [2] прямо указано, что вопрос об увековечении памяти другого известного ученика Далматовского мужского монастыря А. Ф. Мерзлякова – «выдвигать не имеет оснований», поскольку «никакими данными не располагают». Это свидетельствует о строгой селективности в выборе фигур для мемориализации – только те, кто соответствовал канону советской историографии: революционеры, ученые-патриоты, герои гражданской и Великой Отечественной войн.

Системный характер работы с памятниками и мемориальными досками закреплялся на уровне государственных решений. Уже в 1950 году Совет Министров РСФСР принял постановление № 1110 «О благоустройстве братских могил», что повлекло за собой масштабную кампанию

по выявлению, учету и оформлению памятников. По данным отчета отдела культпросветработы за 1951 год [3], на 1 января 1952 года в области было учтено 116 исторических памятников, включая 21 здание и 88 могил. Из них лишь на трех зданиях имелись мемориальные доски – остальные не устанавливались «из-за отсутствия средств». На ремонт и благоустройство требовалось до 15 тысяч рублей – сумма значительная для того времени. Тем не менее, планы на 1952 год включали не только установку досок, но и выпуск путеводителя, фотовыставок и плаката «Памятники культуры области», что говорит о стремлении превратить мемориальные объекты в инструмент массового патриотического воспитания.

Таким образом, первые мемориальные доски на территории Курганской области возникли не стихийно, а в рамках целенаправленной государственной политики, начавшейся в 1927 году и получившей развитие в 1930–1950-е годы. Они сочетали в себе функции исторического напоминания, идеологического воспитания и территориальной идентификации. Хотя некоторые из них, как доска на «доме декабристов», оказались исторически ошибочными, они сыграли важную роль в формировании советского нарратива памяти. Другие – установленные на реальных местах событий и проживания деятелей – стали основой для дальнейшей музеефикации и краеведческой работы. Сегодня, спустя десятилетия, эти доски – даже утраченные – остаются важными источниками для понимания того, как государство конструировало прошлое, чтобы управлять настоящим.

Список источников и литературы

- 1 Государственный архив Курганской области (ГАКО). – Ф. Р-1540. – Оп. 1. – Д. 119. – Л. 11.
- 2 ГАКО. – Ф. Р-1540. – Оп. 1. – Д. 140. – Л. 36.
- 3 Государственный архив социально-политической истории Курганской области (ГАСПИКО). – Ф. 166. – Оп. 9. – № 185. – Л. 58–60.
- 4 ГАСПИКО. – Ф. 166. – Оп. 10. – № 212. – Л. 140–141.
- 5 ГАСПИКО. – Ф. 166. – Оп. 15. – № 25. – Л. 101.
- 6 Известия. – 1918. – № 74. – 14 апреля.
- 7 Красный Курган. – 1948. – 22 октября.
- 8 Красный Курган. – 1957. – № 72. – 24 марта.
- 9 Культурное наследие города Кургана / Здание уездного училища, ул. Куйбышева, 43. – URL: <https://kurgan.pro/okn/p021/> (дата обращения: 24.09.2025).
- 10 Луначарский А. В. Воспоминания и впечатления / А. В. Луначарский; сост., предисл. и причем. Н. А. Трифонова. – Москва: Сов. Россия, 1968. – 367с.
- 11 Новый мир. – 1996. – № 199. – 25 октября.
- 12 Советское Зауралье. – 1988. – № 173. – 27 июля.